

УДК 347**Особенности определения момента субъективной добросовестности при конкурсном оспаривании условных сделок****Ефимов Артемий Алексеевич**

Выпускник,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1;
e-mail: misterschmidt@gmail.com

Аннотация

Конкурсное оспаривание сделок является эффективным механизмом возвращения ликвидных активов в конкурсную массу должника. Однако при его применении необходимо соблюдать баланс интересов кредиторов должника и сторон оспариваемых сделок, в частности, поставленных под условие. Проанализировать подходы к определению субъективной добросовестности сторон сделок, поставленных под отменительное или отлагательное условия (далее – условные сделки). Позитивное регулирование конкурсного оспаривания условных сделок не содержит специальных норм об особенностях определения момента субъективной добросовестности сторон таких сделок. Данное обстоятельство дестабилизирует разумные ожидания сторон условных сделок, порождает риски необоснованного конкурсного оспаривания, что в свою очередь приводит к неосновательному обогащению конкурсной массы. С помощью формально-юридического метода был исследован понятийный аппарат условных сделок, определен момент заключения условных сделок, исследована сущность юридической фикции, предусмотренной п. 2 ст. 61.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127). Сравнительно-правовой метод позволил выявить подходы к регулированию условных сделок в зарубежных развитых правовых системах и решить целесообразность их имплементации в российский правовой порядок.

Для цитирования в научных исследованиях

Ефимов А.А. Особенности определения момента субъективной добросовестности при конкурсном оспаривании условных сделок // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3А. С. 388-393.

Ключевые слова

Несостоятельность (банкротство), конкурсное оспаривание, условные сделки, потестативные условия, смешанные потестативные условия, чисто потестативные условия, субъективная добросовестность.

Введение

Учитывая, что институт несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации был реинтегрирован в правовую систему лишь в ходе перехода от административно-командной к рыночной экономике в 1990-х годах, что обусловило его формирование преимущественно на основе зарубежных моделей, обращение к развитым правовым порядкам для анализа проблематики настоящей статьи представляется методологически необходимым. При этом особую значимость приобретает изучение материнского правового порядка – немецкого, учитывая историко-правовую преемственность российского частного права по отношению к германской доктрине, а также релевантности германского опыта для правовых порядков, прошедших путь рецепции в условиях экономической трансформации.

Конкурсное оспаривание сделок должника занимает центральное место в обеспечении реализации принципа *pari passu* при распределении конкурсной массы между кредиторами. Эффективность возвращения выбывшего имущества из конкурсной массы должника напрямую влияет на состояние платежеспособности его кредиторов. Однако при применении конкурсного оспаривания недопустима ситуация, при которой подобное оспаривание образует неосновательное обогащение конкурсной массы.

Основное содержание

Конструкция большинства составов недействительности сделок по правилам гл. 3.1 Закона №-127 предполагает проверку субъективной добросовестности контрагента. Иными словами, устанавливается реальное или вмененное знание контрагента либо о цели причинения вреда кредиторам должника – для фраздаторных сделок в соответствии с п. 2 ст. 61.2 Закона № 127 либо о наличии признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества - для большинства преференциальных сделок в соответствии со ст. 61.3 Закона № 127.

Одной из причин неосновательного обогащения в данном контексте является действующее позитивное регулирование конкурсного оспаривания условных сделок. Согласно доминирующему подходу в судебной практике, субъективная добросовестность по таким сделкам определяется не на момент волеизъявления сторон при вступлении в условно-правовую связь, а на момент наступления условия. Тотальное применение подобного подхода, как будет показано в статье, необоснованно возлагает ответственность на контрагента, который не знал о неблагоприятном имущественном положении должника на момент заключения сделки, но до наступления условия, и тем самым способствует неосновательному обогащению конкурсной массы за счет кредиторов, что контрастирует с подходом, выработанным в Германии.

В настоящей статье анализируются подходы к определению момента субъективной добросовестности в условных сделках на предмет их соответствия целям конкурсного оспаривания и принципу недопустимости неосновательного обогащения.

С помощью формально-логического метода были уяснены понятийный аппарат, правовая природа и виды условных сделок (включая разграничение отлагательных и отменительных условий) в контексте конкурсного оспаривания. Сравнительно-правовой метод был использован для сопоставления позитивного регулирования института конкурсного оспаривания условных сделок и, в частности, определения момента оценки субъективной добросовестности контрагента, в Российской Федерации и Германии. Основными материалами исследования выступило позитивное регулирование в Российской Федерации: Федеральный

закон «О несостоятельности (банкротстве)», Гражданский кодекс РФ (часть первая) [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), [www](#)]; в Германии: Закон о несостоятельности (Insolvenzordnung далее - InsO) [Insolvenzordnung, [www](#)], Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch – далее BGB) [Bürgerliches Gesetzbuch, [www](#)], Закон об оспаривании правовых действий должника вне процедуры несостоятельности (Anfechtungsgesetz – далее AnfG) [Neuner, 2023].

Результаты и обсуждение исследования

Под условной сделкой понимается волеизъявление, осложненное обстоятельством, относительно которого неизвестно наступит оно или нет. При этом, как указывает Йорг Нейнер, наступление обстоятельства должно быть неопределенным в отношении «будет ли оно» (т.е. возникновения правовых последствий), но не в отношении «когда» (т.е. момента времени принятия решения о наступлении условия) [Neuner, 2023]. Иными словами, неопределенность в отношении «когда» означает, что перед нами не условие, а срок.

В доктрине выделяются условия, реализация которых детерминирована внешними обстоятельствами. Ключевым их признаком является автономность от намерений сторон сделки, например, рождение ребенка. Кроме того, традиционно выделяются два вида условий в зависимости от порождаемого ими правового эффекта: наступление отлагательного условия влечет возникновение прав и обязанностей, а отменительного – прекращение прав и обязанностей.

Отлагательные условия принято дифференцировать в зависимости от того, зависит ли наступление обстоятельства от воли стороны сделки. По данному критерию выделяют просто потестативные (смешанные) и чисто потестативные условия. В простом потестативном условии наступление правового эффекта зависит не только волеизъявления одной из сторон, но и от наступления внешних по отношению к сторонам данной сделке событий или волеизъявлений. В чистом потестативном условии сторона сделки обладает дискреционным правом на определение судьбы наступления или ненаступления отлагательного условия. Иными словами, в последнем случае сторона *de facto* обладает правом односторонне определять судьбу обязательства

После заключения условной сделки между сторонами возникает условно-правовая связь, характеризующаяся правом ожидания наступления условия. Иными словами, тот факт, что правовой эффект сделки возникнет или прекратится в будущем не означает отсутствие факта заключения сделки. Так, Йорг Нейнер отмечает, что «с заключением сделки стороны связали себя и сделали все для того, чтобы сделка при наступлении условия вступила в силу» [Neuner, 2023].

Согласно п. 2 ст. 61.1 Закона №-127 условная сделка *считается* заключенной в момент наступления условия. Используемая российским законодателем словесная конструкция «считается» свидетельствует о введении юридической фикции, т.к. по общему правилу, как было указано выше, условная сделка считается заключенной в момент волеизъявления сторон на вступление в условно-правовую связь. По мнению, А. Г. Карапетова, данная норма преследует цель охватить как можно большее число сделок периодом подозрительности, намеренно смещая во времени момент заключения сделки» [Карапетов, 2017].

Вместе с тем, по мнению К. В. Нама данный подход, избранный российским законодателем, противоречит немецкому регулированию, в частности § 192 InsO [Нам, 2018]. Данная норма

InsO регулирует особенности распределения конкурсной массы в пользу кредиторов, чьи требования на момент рассмотрения дела о банкротстве находятся в состоянии ожидания их наступления.

Кроме того, это подтверждается взаимосвязанными положениями абз. 3 § 140 InsO и абз. 3 § 8 AnfG прямо закреплено, что правовое действие [Graf-Schlicker, 2020] считается совершенным в момент вступления его правовых последствий в силу, при этом наступление условия или срока не учитывается. Это означает, что «происходит перенесение юридически значимого момента для оспаривания на более ранний срок; решающим является не момент наступления условия или срока, а момент заключения лежащего в основе соглашения» [Асосков, Бевзенко, Громов и др., 2025]. Иными словами, данный подход противоречит юридической фикции наступления условия, изложенной в п. 2 ст. 61.1 Закона №-127.

В российской доктрине данный вопрос является неразработанным, однако в недавно опубликованном постатейном комментарии из серии #Глосса А. Г. Карапетов, рассматривая эту проблему, указывает, что «по смыслу правил ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве знания и намерения контрагента и должника должны определяться на дату совершения ими волеизъявления, даже если сделка была поставлена под отлагательное или отменительное условие» [Graf-Schlicker, 2020].

Однако представляется, что субъективную добросовестность сторон на момент волеизъявления логично оценивать лишь в отношении случайных условий. Для стороны, в пользу которой установлено случайное условие, было бы необоснованно вменять знание о неплатежеспособности или недостаточности имущества должника к моменту наступления этого условия, поскольку она не могла контролировать или предвидеть факт его наступления. Кроме того, в силу п. 3 ст. 157 ГК РФ в случае недобросовестного воспрепятствования или содействия наступления условия применима фикция наступления или ненаступления условия соответственно.

Противоположный подход применим к потестативным условиям. Поскольку наступление правового эффекта в потестативных условиях находится под контролем воли стороны (как полностью, так и в части), в чью пользу они установлены, этой стороне обоснованно вменить знание о цели причинения вреда кредиторам либо о неплатежеспособности или недостаточности имущества должника именно на момент ее собственного волеизъявления. Иными словами, в стандарт должной заботливости и осмотрительности стороны, в чью пользу установлено потестативное условие, должна входить проверка наличия оснований для оспаривания сделки на момент срабатывания правового эффекта. Из этой же предпосылки исходит немецкая доктрина [Постановление Пленума ВАС РФ №63, www].

Иной подход к определению момента оценки субъективной добросовестности в сделках, осложненных отлагательными условиями, открывает дорогу к злоупотреблениям конструкцией условных сделок. Сторона при вступлении в условно-правовую связь действительно, может быть, не осведомлена о наличии пороков, которые в принципе могут отсутствовать. Однако существует обоснованный риск того, что в промежутке между заключением сделки и волеизъявлением, направленного на срабатывание правового эффекта, сторона получит информацию о пороках, образующих составы недействительности сделок. В данном примере проверка реального или вмененного знания о пороках сделки на момент вступления в условно-правовую связь фактически предоставляет стороне возможность, зная о пороках к моменту своего решающего действия, в дальнейшем сослаться на свою субъективную добросовестность в прошлом.

На первый взгляд может показаться, что в Российской Федерации на уровне правовой

позиции ВАС РФ воспринят подход к определению субъективной добросовестности на наступления условия вне зависимости от его вида. Однако само по себе данное разъяснение не предрешает ответ на рассматриваемый вопрос, т.к. речь идет только о распространении периода подозрительности на подобные условные сделки.

Следует констатировать, что на текущий момент в судебной практике нижестоящих судов отсутствуют решения, в которых анализировалось бы влияние вида условия на момент определения субъективной добросовестности.

Заключение

Решение вопроса об определении момента оценки субъективной добросовестности приобретает особое значение при конкурсном оспаривании условных сделок. Отсутствие релевантной судебной практики нижестоящих судов и разъяснений ВС РФ по данной проблеме порождает системные риски для сторон условных сделок. Подход, предполагающий оценку субъективной добросовестности на момент наступления условия, нерелевантен к случайным условиям, наступление которых не находится в сфере контроля сторон сделки. При этом в случае недобросовестного препятствия или содействия наступления условия применима фикция наступления или ненаступления условия в соответствии с п. 3 ст. 157 ГК РФ.

Библиография

1. Jörg Neuner Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts [Текст] / Jörg Neuner — 13 Auflage. — München: C. H. Beck oHG, 2023 — 803 с.
2. Graf-Schlicker InsO Kommentar zur Insolvenzordnung. [Текст] / Graf-Schlicker — 5 Auflage. — Köln: RWS, 2020 — 2552 с.
3. Общие положения о сделке : комментарий к статьям 153–165.1, 181.1–181.5 и 190–194 ГК РФ / А. В. Асосков, Р. С. Бевзенко, А. А. Громов [и др.]; Отв. ред. А. Г. Карапетов — Москва: М-Логос, 2025 — 639 с.
4. Нам К.В. Комментарий к #Глоссе. Условные сделки. Немецкий подход // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. N 11. С. 75 - 108.
5. Карапетов А.Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. ст. 157 и 327.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. N 6. С. 71 - 128.

Specifics of Determining the Moment of Subjective Good Faith in Challenging Conditional Transactions in Bankruptcy Proceedings

Artemii A. Efimov

Graduate,

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

125993, 9, bld. 1, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: misterschmidt@gmail.com

Abstract

The challenging of transactions in bankruptcy proceedings serves as an effective mechanism for returning liquid assets to the debtor's bankruptcy estate. However, its application requires balancing the interests of the debtor's creditors and parties to challenged transactions, particularly conditional ones. This study examines approaches to determining the subjective good faith of parties to

transactions subject to resolutive or suspensive conditions (hereinafter referred to as conditional transactions). Current positive regulation of challenging conditional transactions in bankruptcy lacks specific provisions regarding the determination of the moment of subjective good faith of parties to such transactions. This circumstance destabilizes the legitimate expectations of parties to conditional transactions, creates risks of unjustified challenges, and may lead to unjust enrichment of the bankruptcy estate. Using the formal-legal method, the study analyzes the conceptual framework of conditional transactions, identifies the moment of their conclusion, and examines the legal fiction established by paragraph 2 of Article 61.1 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" (hereinafter referred to as Law No. 127-FZ). The comparative legal method was employed to identify regulatory approaches to conditional transactions in developed foreign jurisdictions and assess the feasibility of their implementation in the Russian legal system.

For citation

Efimov A.A. (2025) Osobennosti opredeleniya momenta sub"ektivnoy dobrosovestnosti pri konkursnom osparivanii uslovnykh sdelok [Specifics of Determining the Moment of Subjective Good Faith in Challenging Conditional Transactions in Bankruptcy Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (3A), pp. 388-393.

Keywords

Insolvency (bankruptcy), transaction avoidance, conditional transactions, potestative conditions, mixed potestative conditions, purely potestative conditions, subjective good faith.

References

1. Jörg Neuner. General Part of Civil Law [Text] / Jörg Neuner. — 13th ed. — Munich: C. H. Beck, 2023. — 803 pp.
2. Graf-Schlicker. InsO: Commentary on the Insolvency Code [Text] / Graf-Schlicker. — 5th ed. — Cologne: RWS, 2020. — 2552 pp.
3. General Provisions on Transactions: Commentary on Articles 153–165.1, 181.1–181.5 and 190–194 of the RF Civil Code / A. V. Asoskov, R. S. Bevzenko, A. A. Gromov [et al.]; Ed. by A. G. Karapetov. — Moscow: M-Logos, 2025. — 639 pp.
4. Nam K.V. Commentary on #Glossa. Conditional Transactions. The German Approach // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 11. — Pp. 75–108.
5. Karapetov, A.G. Conditional Rights and Obligations: Review of Problematic Issues in the Application of Articles 157 and 327.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 6. — Pp. 71–128.